

обратится мир, когда камни встанут на молитву, и молитва эта, молитва торжества, будет молитвой к Становящемуся Богу, — Богу Истории, Богу Сверхъестественного, Богу Победы, Богу Творчества. Наше Небо это ничто иное, как восставшая творчески преображенная Земля. И чтоб осуществить наше небо, его надо завоевать, — творческим мятежным завоеванием, ибо творчество — это — борьба, создание это — победа. И машины это — те железные воины восставшей Земли, которых Мы — служители творческого прометеевского Бунта — поведем на штурм неба. Тем самым это будет величайшее творческое Восстание, глубочайший нравственный переворот, в котором осуществится подлинное преображение мира, действительное торжество «Царства Божьего на земле».

П. Боранецкий.

Французская и германская тенденция

В современной крайне сложной и запутанной международно-политической игре отчетливо определились, однако, две основные тенденции: французская тенденция мира и германская тенденция войны. В перечислении этих двух тенденций, среди прочих объектов, явно проступают некоторые очень существенные русские интересы. Это заставляет нас сказать, что в данный момент проблема взаимоотношений Франции и Германии есть в некотором смысле и наша русская проблема. Тем актуальнее и яснее должно быть наше отношение к ней.

В то время, когда мы впервые выступили с печатной и устной актуализацией, теперь вновь всеми условиями предопределяемой исторической дружбы французского и русского народа, мы были, по крайней мере среди молодежи, почти одиноки. Значительная часть последней оставалась неопределившейся и нейтральной, а остальная, правда, совершенно ничтожная ее часть, явно ставила ставку на немецкую карту. Теперь к нашему удовлетворению, лучшая часть русской молодежи уже поняла то наше бесспорное положение, что **враг внешний есть всегда больший враг, чем враг внутренний**, и что нельзя, борясь с одним, предавать себя во власть другому. Этот сдвиг надо со всей силой подчеркнуть и заявить, уже хотя бы ради его морально-показательного значения.

Можно и должно большевизм считать тяжелой болезнью России, но нельзя для излечения болезни приглашать «врача», который хочет смерти больного.— Что касается нас, то при всяких обстоятельствах мы предпочитаем больную Россию — мертвой.

Мы не сомневаемся в искренности и лучших побуждениях думающих в этом вопросе иначе. Но бывают ошибочные посылки, которые роковым образом влекут к преступным и позорным выводам. Вспомним группу русских студентов в русско-японскую войну с их телеграммой микадо. Но там это делалось во имя революции, а здесь во имя контр-революции. Только в этом и разница.

В достойном сознании своей собственной ответственности за наши события и с верой в свои исторические силы, мы должны на нашу национальную трагедию смотреть, как на **наше собственное внутреннее дело**. В этом мы должны следовать прекрасному лозунгу старинных итальянских героев-патриотов: «L'Italia farà da se», — Россия в своих делах сама справится. К тому же, то, что переживает Россия есть не ее **катастрофа**, а трагедия, и именно **вмешательство иностранцев могло бы трагедию превратить в катастрофу**. При том, трагедия эта — трагедия высшего всемирно-исторического порядка. В ней, как в фокусе, сошлись все катастрофические линии современной переходной критическ. эпохи. Большевизм это только конденсированное выражение **отрицательной, негативной** стороны этой эпохи и лишь **органическое** (и внутреннее) преодоление его сделает возможным наступление также и ее **положительной** творческой стороны. Следует поэтому большевизм отличать от Революции, идущей при том не с **Октября**, а с **Февраля**. Большевизм это — эпизод, Революция это — эпоха. Большевизм — **негатив** Русской Революции, преодоление старого мира, старой джи. Отсюда его отрицательность, разрушительность и негативность. Но когда сроки исполнятся и пробьет исторический час, на смену ему придет **Позитив**, утверждение Нового Мира, Новой Высшей Правды. В соответствии со сказанным наша задача состоит в том, чтоб создать **образ** этого Позитива, образ положительной стороны современн. критическ. переходн. эпохи — с одной стороны и всячески форси-

ровать ее наступление—с другой стороны. Обращение Обращение же к голому военному вмешательству иностранцев есть лишь грубая **профанация** грандиозн. историч. событий, полное отсутствие надлежащей исторической перспективы, обрекающее на естественный неуспех эти попытки. В то же время такая «ориентация» на вмешательство иностранных штыков, стран, при том, явно враждебных России, не только политически дискредитирует тех, кто ей следует, но — что гораздо важнее — морально дисквалифицирует национальный престиж народа, которого таким образом «спасать» собираются. А моральным моментом эмиграция, лишенная всех других атрибутов политического бытия, должна бы дорожить больше всего.

Но пересечение двух вышеобозначенных тенденций — французской и германской — имеет для нас не только узко национальный, но и общемировой, общекультурный интерес. Как правильно недавно ставил вопрос один известный польский государственный деятель, Западная Европа в своем дальнейшем развитии стоит перед выбором — быть ли ей французской или германской, точнее говоря, идти ли ей под знаком французской или германской тенденции. В переводе на идеологический язык эта альтернатива означает выбор между исконным французским гуманизмом и столь же исконным немецким милитаризмом. А в переводе на дипломатический язык — выбор между миром и войной. Для нас же русских, кстати сказать, эта альтернатива еще означает выбор между исторически освященным союзником России и ее открытым, даже не маскирующим своих захватнических стремлений, врагом. Кажалось бы, колебаний в выборе не должно бы быть. И Европа, повидимому, все более склоняется к естественной французской ориентации. Но тем большее недоумение и тревогу вызывает один вопрос, который составляет собой узел этих двух современных европейских тенденций.

Сейчас в Европе идет тяжба вокруг проблемы, которая имеет не только политическое, но подлинно всемирно-историческое значение. Эта проблема — проблема разоружения. Однако, благодаря исключительному стечению обстоятельств, **реально достижимое** разрешение этой проблемы **сейчас** чревато большими опасностями войны, чем даже дальнейшее воору-

жение, ибо роковым образом оно повлекло бы за собой ослабление стран, стремящихся к миру и **относительное** усиление стран, стремящихся к войне. Разоружение в Европе в современных условиях объективно означает прежде всего разоружение Франции, то-есть абсолютно миролюбивой страны, вооруженная мощь которой вместе с ее славянскими союзниками, является главным оплотом мира в Европе. Можно, конечно, моралистически возразить: *beati possidentes*, — однако объективно-исторического, а тем паче дипломатического значения это указание не имеет. Недаром в орбиту Франции тяготеют все государства, стремящиеся к миру, даже не будучи связанными с ней другими более общими интересами. Поэтому, как это не парадоксально, но подлинные поборники мира в **данных условиях** должны быть противниками разоружения. Мы с своей стороны поэтому откровенно заявляем, что радуемся провалу этой опасной и близорукой затеи, стремившейся превратить Европу в привольное поле, удобное для государств-разбойников. Тот факт, что Германия объективно всячески мешала работе конференции по разоружению, лишней раз лишь демонстрирует крайнюю неуклюжесть и недалекость ее дипломатии. Разоружение — высокий, но пока что лишь отдаленный идеал, осуществимый только в результате **полного** переустройства современного мира. Пока же можно и должно стремиться лишь ко всяческому **моральному** разоружению народов. Ибо теперь, наоборот, такое стечение обстоятельств, что мир, чтобы существовать, должен быть **охраненным**. Сейчас именно возможен лишь «вооруженный мир». Знаменитый, несколько парадоксальный афоризм, «*si vis pacem para bellum*», в наших условиях приобретает новый, более прямой смысл. В этих условиях тот, кто борется за разоружение, лишь провоцирует войну, ибо лишает соответственные установления мира, в частности и самое Лигу Наций, необходимой вооруженной санкции. Международное право, так же, как и всякое право, нуждается в охраняющей его силе, в особенности теперь, когда моральная сторона права так потускнела. И поскольку вооруженная Лига Наций, это реально прежде всего вооруженная мощь Франции и ее союзников, постольку объективной волей обстоятельств могущественная французская армия

сейчас — страж мира в Европе, ослабление которой было бы преступлением перед цивилизацией.

А между тем нарастающая сейчас угроза войны представляет собой угрозу самому бытию цивилизованного человечества. И перед лицом этой страшной опасности, грозящей гибелью всем достижениям векового прогресса, ни одна общественная единица, как бы она ни была незначительна, не должна остаться нейтральной и безучастной. В то же время, с другой стороны, такие размеры опасности войны теперь уже очевидны для самого простого и неискушенного сознания и потому должны быть объявлены вне всякого закона — правового и морального, — как подлинные враги рода человеческого, те, кто, несмотря на это сознание, так или иначе провоцируют эту страшную всеобщую катастрофу.

Редакция.

ОТЦЫ И ДЕТИ В ЭМИГРАЦИИ

(В дискуссионном порядке)

«Стоит им (профессорам Гюллингам) заметить, что кто нибудь из молодых стремится к чему то другому и что он одарен благородным упрямством настолько, что может добиться своего, — они тут как тут. Сначала, идут добрые советы, потом — игнорирование, потом — противодействие, и, наконец, применяется сила. Берегись, Карено: ты рассердил одного из этих почтенных холопов». (Кнут Гамсун — «У врат Царства»).

Еще два-три года и вот уже 20 лет, как продолжается великая русская трагедия. Срок этот почти достаточен для смены одного поколения другим.

В любую эпоху на арене общественной жизни сосуществуют, сменяя друг друга, обыкновенно три поколения: деды, отцы и дети. Первые — представители уходящей эпохи, — олицетворяют консерватизма, вторые — господствуют и за-